

Семенъ Ивановичъ Гордый.

р. 1316 † 1353.

Послѣ Ивана Даниловича изъ сыновей его въ живыхъ осталось трое: Семенъ, Иванъ и Андрей, отецъ извѣстнаго впослѣдствіи сподвижника Донскаго, Владимира Храбраго; второй сынъ Калиты, Даниилъ, упомянутый только въ лѣтописной родословной²⁰⁹), умеръ, вѣроятно, въ младенчествѣ.

Иванъ Даниловичъ еще задолго до смерти сдѣлалъ духовное завѣщаніе. Въ этомъ завѣщаніи онъ распредѣляетъ движимое и недвижимое имущество свое между наличными сыновьями и своей супругой; но такъ какъ потомъ онъ пріобрѣлъ нѣсколько волостей посредствомъ купли, то явилась необходимость составить новое духовное завѣщаніе, въ которое вошли бы и новые пріобрѣтенія его. Въ обѣихъ грамотахъ одинаково замѣчено, что онъ составлены передъ отъѣздомъ его въ орду. «Се язъ грѣшный худый рабъ Божий Иванъ, говорится въ грамотахъ, пишу душевную грамоту, ида въ орду, никимъ не нужень, цѣльмъ своимъ умомъ, въ своеемъ здравыи» (такъ непрочны были не только положеніе, но и жизнь какого бы то ни было князя!); обѣ грамоты писаны въ одномъ и томъ же 1328 году²¹⁰). По этому завѣщанію Калита даетъ старшему сыну своему Семену 26 го-

въ духовной по имени, но которая здѣсь названа Ульяною. — Изъ всего сказаннаго выходимъ два положенія прямыхъ и третье косвенное: а) Иванъ Даниловичъ Калита вступалъ въ бракъ два раза; во второй разъ — съ Ульяной, извѣстной намъ пока только изъ вышеприведенныхъ духовныхъ граматъ его и сына его, Ивана; б) отъ втораго брака онъ имѣлъ неизвѣстную намъ по имени дочь, которая родилась уже по смерти его, ибо въ его духовной граматѣ она не упоминается; в) грамата писана послѣ 1332 г., т. е. послѣ года смерти первой жены Ивана Калиты, Елены, такъ какъ о ней говорится здѣсь, какъ уже не бывшей въ живыхъ.

209) П. С. Р. Л. V, 90. Мы отмѣнили годъ рожденія Семена Ивановича, не обозначенный лѣтописями, на слѣдующемъ основаніи: Воскр. лѣт. (VII, 204) говоритъ подъ 1333 годомъ, что Семенъ женился зимой, когда ему было семнадцать лѣтъ; Никон. (III, 161) также подъ 1333 г. говоритъ о томъ же, т. е. что Семенъ женился въ этомъ году зимой. Издатели Ник. лѣтописи считаютъ 6841 годъ, подъ которымъ въ Воскр. и Никон. лѣтописяхъ говорится о женитьбѣ Семена Ивановича, 1332-мъ годомъ, — но это намъ кажется невѣрнымъ: 6841 годъ (мартовскій) долженъ простираться отъ 1 марта 1333 года до 28 февраля 1334 года. А такъ какъ въ Воскр. лѣт. подъ тѣмъ же 6841 годомъ послѣ женитбы Семена Ивановича говорится о томъ, что Калита, по случаю разрыва съ Новгородомъ, пошелъ въ Торжокъ и былъ тамъ отъ «Крешенъ (январь) до Збора», то очевидно 6841 годъ = 1333 году. Такимъ образомъ, по вычетѣ 17-ти изъ 1333 получаемъ 1316 — годъ рожденія Семена Ивановича.

210) Собр. г. г. и д. №№ 21 и 22, или «Древн. Росс. Вивліоика», изд. 2, I, стр. 47 и сл.

родовъ и селеній, въ томъ числѣ Можайскъ и Коломну — пріобрѣтеніе брата его, Юрія Даниловича; Ивану — 23 города и селенія, въ томъ числѣ — главные изъ нихъ — Звенигородъ и Руза; младшему Андрею — 21 городъ и селеніе, и въ числѣ ихъ самый важный Серпуховъ; женѣ своей съ остальными дѣтьми — 26 селеній, изъ которыхъ впослѣдствіи сдѣжалось известнымъ Радонежское или Радонежъ. Съ первого взгляда можетъ показаться страннымъ, что старшему сыну, Семену, какъ предполагаемому великому князю въ будущемъ, дано сравнительно мало городовъ и сель. Но надобно имѣть въ виду, что, во 1-хъ, Семену даны города болѣе значительные, какъ Можайскъ, бывшій особымъ княжествомъ, и Коломна; а во 2-хъ, хотя претендентами на великокняжескій столъ, въ случаѣ смерти Ивана Даниловича, и могли явиться князья тверскій и суздальскій, — но Калита, какъ видно, надѣялся, что великокняжеское достоинство за нимъ упрочено, что оно перейдетъ и къ его старшему сыну, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему перейдутъ Владимиръ и Переяславль. Что касается Москвы, то она, по завѣщанію, отдается не одному какому-либо изъ сыновей, а всѣмъ троимъ: «Приказываю сыномъ отчину свою Москву» — только и сказано объ этой послѣдней въ завѣщаніи. Что же это значитъ? какую цѣль предсѣдовалъ Калита, завѣщавая Москву всѣмъ дѣтямъ, а не одному которому нибудь изъ нихъ? — Намъ кажется, что у Ивана Калиты была опредѣленная мысль и цѣль объ упроченіи за своимъ потомствомъ великокняжескаго достоинства и за Москвой — значенія первопрестольнаго города: перваго онъ могъ достигнуть только тогда, когда его дѣти — при известныхъ личныхъ качествахъ — будуть въ состояніи удовлетворять алчнымъ и корыстолюбивымъ требованіямъ орды, т. е. когда будутъ въ состояніи располагать богатой казной; втораго же онъ достигалъ при выполненіи его дѣтьми первой части программы. Значить, Калитѣ нужно было оставить материальную силу своимъ наслѣдникамъ, и вотъ онъ дѣлить свое достояніе почти поровну, ибо могъ сомнѣваться въ томъ, что тому, а не другому сыну достанется великокняжескій столъ. Въ то же время онъ отдаетъ дѣтямъ Москву въ общее ихъ владѣніе и, такимъ образомъ, еще вѣрнѣе достигаетъ второй цѣли: кто ни будетъ изъ дѣтей великимъ княземъ, все-таки онъ будетъ *московскимъ*, потому что будетъ привязанъ къ Москвѣ той частью наслѣдства, которая предоставлена ему въ ней по завѣщанію²¹¹⁾.

211) Ник. IV, 204 въ «Повѣсти о преп. Сергії» говоритъ, что родители Сергія отъ бывшихъ въ Ростовѣ гоненій при Калитѣ переселились изъ Ростова въ «Радонежъ», что эту «весь глаголемую Радонежъ... даде князь великий Иванъ Даниловичъ сынови своему мизиному князю Андрею, отъ него же родись князь Володимеръ». Извѣстно, что Радонежъ Калита отказалъ женѣ своей, и уже потомъ онъ перешелъ къ Андрею, внукъ котораго,

Такъ или иначе думалъ Калита, но великая идея централизациі и собранія Руси во-едино жила въ его потомствѣ и этимъ потомствомъ осуществлена.

По смерти Калиты всѣ русскіе князья, какъ-то: Василій Давидовичъ ярославскій, Константинъ Михайловичъ тверскій, Константинъ Васильевичъ суздальскій и др., поспѣшили въ орду; отправился туда и Семенъ Ивановичъ съ братьями. Ханъ обѣявилъ послѣдняго великимъ княземъ, а всѣ остальные русскіе князья «подъ руцѣ его даны»²¹²⁾.

Возвратившись изъ орды, Семенъ Ивановичъ торжественно сѣлъ 1-го октября на великокняжескій столь во Владимирѣ. Въ томъ же году (1341) братья «цѣловали крестъ у отня гроба». По этому крестному цѣлованію они обязываются быть за одно, младшіе старшаго — имѣть и чтить въ отца място, имѣть общихъ друзей и враговъ; старшему безъ младшихъ, а послѣднимъ безъ старшаго ни съ кѣмъ не доканчивать; младшіе братья, между прочимъ выговаривали слѣдующее обязательство со стороны старшаго: «А кто иметь насъ сваживати... исправа ны учнити, а нелюбя не держати, а виноватого казнити по исправѣ»; младшіе братья уступаютъ Семену на старѣйшій путь полтамги, конюшій путь, ловчій путь и пр., между тѣмъ какъ сами берутъ полтамги на двоихъ; уступаютъ также на тотъ же путь нѣсколько сель; обязываются старшаго брата печаловаться ихъ женами и дѣтьми въ случаѣ смерти ихъ; великий князь оставляетъ за собой волости, которыми его благословила тетка его, княгиня Анна; боярамъ и слугамъ договаривающихся предоставляется свобода перехода отъ одного князя къ другому; младшіе братья, наконецъ, обязываются не принимать къ себѣ боярина Алексея Петровича (тысяцкаго), который «вшолъ въ кромолу къ великому князю»; мы увидимъ, что этотъ Алексей Петровичъ при преемникѣ Семена Ивановича неизвѣстно чѣмъ былъ убитъ.

также Андрей, бытъ единственнымъ радонежскимъ княземъ. Что касается города Серпухова, то при Калитѣ онъ бытъ, надобно полагать, весьма незначительнымъ какъ по количеству населенія, такъ и по постройкамъ. Его возвысилъ и сдѣлалъ настоящимъ городомъ, мястомъ укрѣпленнымъ, уже сынъ Андрея, известный донской герой, Владимиръ Андреевичъ Храбрый (П. С. Р. Л. VIII, 21), о которомъ въ лѣтописи говорится: «Того же лѣта (1374 г.) князь Володимеръ Оndrѣвичъ заложи градъ Серпуховъ дубовъ въ своей отчинѣ, и даде людемъ и всѣмъ купцемъ ослабу и лготу многу, цѣ приказа намѣстничество Якову Юрьевичу, нарицаемому Носильцу (по другимъ — Новосильцу), окольничему своему.»

212) П. С. Р. Л. I, 230; III, 79, 131 (въ 1340 г. Семенъ получилъ великое княженіе); V, 222; VII, 206; XV, 422 (далѣе о Семенѣ въ Твери почему-то ничего не говорится до 1353 года, т. е. до его кончины); Ипк. III, 172 (подъ 6848, который у издателей = 1339). Она же говоритъ, что Семенъ не присутствовалъ при погребеніи отца, потому что былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Мы видѣли, что Иванъ Даниловичъ въ 1340 г. разссорился съ Новгородомъ и не успѣлъ смирить его, по слухаю поѣздки въ орду. Въ то время, какъ Семенъ Ивановичъ, по смерти отца, былъ также въ ордѣ, новгородские «молодцы», какъ выражается лѣтопись, ходили на Устюжну и пожгли ее, а потомъ повоевали Бѣлозерскую область—куплю Ивана Калиты. По возвращеніи изъ орды Семенъ послалъ въ Торжокъ собирать дань. Бояре, по выраженію лѣтописи, «начаша сильно дѣяти», почему новоторжцы просили новгородцевъ заступиться за нихъ. Новгородцы пришли, перехватили московскихъ намѣстниковъ съ ихъ семьями и посадили въ заключеніе. Изъ Новгорода, еще прежде послѣдняго событія въ Торжкѣ, посланъ былъ въ Москву Кузьма Твердиславичъ сказать великому князю: «еще, господине, на столѣ въ Новѣгородѣ не сѣль еси у насъ, а уже бояре твои сильно дѣютъ» (насильственно). Новгородские бояре, находившіеся въ Торжкѣ, конечно, ожидали мести со стороны великаго князя и потому послали въ Новгородъ за помощью; но тамъ не хотѣла удовлетворить этой просьбѣ чернь. Новоторжская чернь, не видя изъ Новгорода помощи, возстала на бояръ, кричала, зачѣмъ они призвали новгородцевъ, зачѣмъ перехватили княжескихъ намѣстниковъ. «Намъ въ томъ погибнуть», заключила она. Вооружившись чѣмъ попало, черные люди бросились на боярскіе дворы, освободили московскихъ намѣстниковъ, а новгородцевъ выпроводили изъ города. Новоторжские бояре бѣжали въ Новгородъ «только душою кто успѣлъ» (безъ пожитковъ); дворы ихъ были разграблены, села опустошены, а одного, Семена Внучка, даже убили на вѣчѣ. Семенъ Ивановичъ собралъ подручныхъ князей: двухъ Константиновъ, суздальскаго и ростовскаго, Василия ярославскаго и др., и зимой пошелъ къ Торжку. Съ князьями былъ и митрополитъ Феогностъ, можетъ быть, на случай необходимости пустить въ дѣло мечъ духовный, если желѣзный оказался бы не дѣйствительнымъ. Какъ видно, великий князь твердо рѣшился держаться позиціи политики и достигать намѣченныхъ цѣлей во что бы то ни стало: по лѣтописямъ не замѣтно даже, чтобы князья, участвовавшіе въ походѣ на Торжокъ, оказали хоть малѣйшее нежеланіе исполнить его требованіе; есть даже извѣстіе (у Татищева), что, готовясь въ походѣ и призвавъ для этого помянутыхъ князей, Семенъ Ивановичъ держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой указывалъ въ особенности на то, что благоденствіе Руси всегда было въ зависимости отъ послушанія князей старшему князю.—Соединенные князья пришли въ Торжокъ, откуда намѣревались идти къ Новгороду. Новгородцы хотя и приготовились къ оборонѣ, но сначала попробовали уладить дѣло миромъ: они отправили пословъ къ великому князю и митрополиту. Миръ состоялся: докончали по старымъ грамотамъ; кромѣ того новгородцы дали

великому князю черныи борг со всей Новгородской земли и 1000 рублей съ Торжка. Послѣ этого великій князь послалъ въ Новгородъ намѣстниковъ²¹³⁾.

Между тѣмъ въ томъ же году умеръ Узбекъ, и ханскій престолъ занялъ сынъ его, Чанибекъ, проложивъ себѣ дорогу къ трону убийствомъ двоихъ братьевъ своихъ. Русскіе князья—тверскій, сузdalскій и др.—попали къ новому хану; отправился къ нему и Семенъ Ивановичъ, а также и митрополитъ Феогностъ, какъ выражается лѣтопись, «за причетъ церковный». Великій князь принялъ быль ханомъ и отпущенъ съ честью, но Феогностъ былъ задержанъ: ханъ требовалъ съ него ежегодной постоянной церковной дани, но митрополитъ ссыпался на прежнія льготныя грамоты, по которымъ духовенство освобождалось отъ дани; если вѣрить лѣтописямъ, Феогноста даже мучили по этому дѣлу; наконецъ, митрополитъ предложилъ хану единовременно 600 рублей «посулу», и тотъ удовольствовался этимъ²¹⁴⁾). По приѣздѣ изъ орды великій князь былъ свидѣтелемъ страшного пожара, бывшаго въ Москвѣ 31 мая **1343 г.** О размѣрахъ этого пожара можно судить по количеству однихъ только церквей, пистребленныхъ огнемъ: ихъ сгорѣло 28. Лѣтописцы отмѣчаютъ, что въ теченіе 15 лѣть это — четвертый такой большой пожаръ²¹⁵⁾). Въ слѣдующемъ **1344 г.** Семенъ Ивановичъ вмѣстѣ съ братьями, Иваномъ и Андреемъ, отправился въ орду, гдѣ были и другіе князья, но неизвѣстно, по какой причинѣ. Изъ орды великій князь выѣхалъ 26 октября²¹⁶⁾, «пожалованъ Богомъ и царемъ», и,

213) С. г. г. и д. № 23 (здѣсь Семенъ Ивановичъ называетъ себя великимъ княземъ *всѧ Russi*); упоминаемая въ этой граматѣ княгиня Анина, по вѣроятной догадкѣ М. Д. Хмырова (№ 377), была жена дяди Семена Ивановича, Аѳанасія Даниловича.—П. С. Р. Л. III, 80 (подъ 1340 г.); IV, 54 (то же); V, 222—223; VII, 206—207; Ник. III, 172—173; Тат. IV, 146—147, между прочимъ, передаетъ, будто бы Семенъ Ивановичъ потребовалъ отъ новгородскихъ пословъ, чтобы посадники и тысяцкіе пришли къ нему босые и просили его, при всѣхъ князьяхъ, на колѣняхъ. С. М. Соловьевъ (III, 308) говоритъ по этому поводу: «прозваніе: Гордый побуждаетъ вѣрить этому свидѣтельству». Конечно, Семенъ Ивановичъ хотѣлъ держать и держаль князей въ своихъ рукахъ, высоко держаль себя и съ ними, и съ новгородцами; не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ получилъ прозвище *Гордый*. Тѣмъ не менѣе поступокъ его — если только это, дѣйствительно, было — отзывается эксцентричностью и театральностью... Не выдумано ли это въ позднѣйшее время для объясненія прозвища *Гордый*? Это напоминаетъ о Генрихѣ IV у папы Григорія VII въ Каноссѣ... — Карамз., на основаніи только ему извѣстнаго списка Троицк. лѣт. (IV, 156), говоритъ, что въ это время Ольгердъ хотѣлъ завоевать для союзника Литвы, князя смоленскаго, городъ Можайскъ; но видя крѣпость города и мужество защитниковъ его, отступилъ, сожгши только предмѣстье. Извѣстныя намъ лѣтописи ничего не говорять обѣ этомъ. Впрочемъ VII, 206 говоритъ, что Литва въ 1341 г. подходила къ Можайску, пожгла посадъ, а города не взяла; но о смоленскомъ князѣ ничего не говорить.

214) П. С. Р. Л. III, 80—82; VII, 206—209; Ник. III, 178—179.

215) Ibid. VII, 209; Ник. III, 179.

216) Ibid. VII, 209; Ник. III, 181.

похоронивъ жену свою Анастасію Гедиминовну, умершую 11 марта 1345 г., женился во второй разъ на дочери кн. Федора Святославича смоленского, Евпраксіи, съ которой, впрочемъ, года черезъ два разошелся, что должно было, конечно, оскорбить смоленского князя, и все-таки Федоръ Святославичъ ничѣмъ не смѣлъ заявить протеста противъ такого поступка сильного московскаго князя. Въ одинъ годъ съ Семеномъ Ивановичемъ поженились и оба брата его²¹⁷⁾.

Между тѣмъ будущая соперница Москвы, Литва, начинаетъ, при такихъ же почти, какъ и Москва, обстоятельствахъ и такими же средствами усиливаться въ одной вѣтви рода литовскихъ князей. Въ половинѣ XIV в. въ Вильнѣ княжилъ сынъ Гедимина, Явнутъ. Противъ него соединились братья его, Кейстутъ и Ольгердъ, которые неожиданно напали на Вильну, такъ что Явнутъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ: перескочивъ чрезъ городскую стѣну, онъ бѣжалъ сначала въ Смоленскъ; потомъ перешелъ къ великому князю въ Москву, где принялъ крещеніе и получилъ имя Иоанна. Брать же его, Наримонтъ, которому также угрожала опасность, бѣжалъ изъ Пинска въ орду²¹⁸⁾.

Мы уже говорили, что послѣ похода къ Торжку Семенъ Ивановичъ послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ. Самъ же онъ еще не бывалъ въ Новгородѣ ни разу. Но вотъ, въ 1346 г. въ Москву прїезжаетъ новгородскій владыка Василій съ приглашеніемъ великаго князя на новгородскій столъ. Въ это-то самое время, разведвшись съ супругой своей Евпраксіей, которую онъ отоспалъ къ отцу ея съ совѣтомъ выдать за-мужъ, Семенъ Ивановичъ зимой, на Федоровой недѣлѣ, отправился въ Новгородъ и, пробывъ тамъ три недѣли, возвратился на «Низъ». Онъ воротился въ Москву въ самомъ началѣ 1347 года и въ третій разъ женился на Марьѣ Александровнѣ, княжнѣ тверской. Между тѣмъ шведскій король Магнусъ собирается посредствомъ прѣній о вѣрѣ или посредствомъ меча сократить новгородцевъ въ латинство. Послѣдніе послали къ великому князю съ прось-

217) Ibid. VII, 209—210; Ник. III, 181—183. VII говорить подъ 1341 годомъ, что Иванъ Ивановичъ, братъ Семена Ивановича, женился на дочери князя брянского; та же лѣтопись, подъ 1345 годомъ говоря о (второмъ) бракѣ Семена Ивановича, прибавляетъ, что въ томъ же году женились и братья его, Иванъ и Андрей, «всі три во едино лѣто». — Причиной развода великаго князя съ Евпраксіей считаются безплодіе ея (Русск. Врем. I, 173; Карамз. IV, прим. 364). Но, по справедливому замѣчанію Карамзина, имѣла же она дѣтей съ кн. Федоромъ єзопинскимъ!.. Вообще, странно ссылаться на безплодіе, проживъ въ бракѣ менѣе года или много гoда. Совершенно другую причину развода приводить «Родосл. кн.», иначе «Бархатная» (II, 207): «Великую княгиню на свадьбѣ испортили: ляжетъ съ великимъ княземъ, и она ему покажется мертвѣцъ, и князь великой великую княгиню отоспалъ къ отцу ея на Волокъ, а велѣлъ ее дати замужъ.»

218) Ibid. III, 83; V, 224; VII, 210; Ник. III, 182.

бой «оборонити своея отчины». Великій князь отвѣчалъ: «радъ азъ ѿхати, но зашли ми дѣла царевы». Онъ послалъ въ Новгородъ брата своего Ивана, а самъ, съ братомъ Андреемъ, дѣйствительно поѣхалъ къ хану, отъ которого воротился уже въ слѣдующемъ 1348 году²¹⁹.

До сихъ поръ политическія отношенія Москвы къ Литвѣ были только косвенные, по дѣламъ новгородскимъ или псковскимъ, и до крайностей, говоря вообще, не доходили. Но съ 1349 г. эти отношенія начинаютъ принимать серьозно-враждебный характеръ: въ помянутомъ году — къ сожалѣнію, лѣтописи ничего не говорятъ о причинахъ этого — литовский князь Ольгердъ послалъ пословъ, во главѣ которыхъ стоялъ братъ его, Коріадъ, къ хану просить у него помощи въ предполагаемомъ походѣ литовскаго князя противъ Семена Ивановича. Послѣдній, съ своей стороны, также послалъ въ орду своихъ кличеевъ (пословъ), которые представляли хану, что литовцы пустошатъ его, царевъ, улусъ, отчину вел. кн. Семена. Такое представление, конечно, должно было затронуть какъ самолюбіе хана, такъ и его материальные интересы: великий князь, его улусникъ, часто бываетъ въ ордѣ и, конечно, не съ пустыми руками; а потому разоряющій его улусника, разоряетъ самого хана. И вотъ, ханъ не только не далъ помощи литовскому князю, но и выдалъ литовскихъ пословъ московскимъ, которые вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ Тотуемъ взяли этихъ плѣнниковъ въ Москву. Ольгердъ смирился и въ слѣдующемъ 1350 году прислалъ къ московскому князю пословъ, «прося мира и живота братіи своей, княземъ литовскимъ: Коріаду и Михаилу и всей дружинѣ ихъ». И въ томъ, и въ другомъ послы были удовлетворены. Какъ видно, Семенъ Ивановичъ умѣлъ дать почувствовывать не только русскимъ (съверо-восточной Руси), но и русско-литовскимъ князьямъ свою силу и энергию умнаго человѣка. Мы не видимъ во все время его княженія, чтобы со стороны удѣльныхъ князей были попытки къ какимъ бы то ни было противодѣйствіямъ ему. Ханъ всегда относится къ нему болѣе, чѣмъ съ довѣріемъ, вслѣдствіе чего и свои, и литовско-русскіе князья въ нѣкоторыхъ случаяхъ спрашиваютъ его соизволенія. Такъ, литовский князь, задумавъ жениться на дочери Александра Михаиловича тверскаго, Ульяны, просить разрѣшенія на бракъ у Семена

219) Ibid. III, 83—84, 225—227; IV, 58; V, 225—226; VII, 211, 215; Ник. III, 182—186. Никон., сказавъ о женитьбѣ великаго князя на Маріи тверской, тотъ-часъ продолжаетъ: «Посовѣтова (митр. Феогностъ) нѣчто духовне съ сыномъ своимъ вел. княземъ Семеномъ Ивановичемъ, и тако послаша въ Царьградъ къ патриарху о благословеніи». Вѣроятно, здѣсь подразумѣвается разводъ Семена Ивановича съ Евпраксіей и женитьба его въ третій разъ. О походѣ Ивана Ивановича въ Новгородъ см. соотвѣтственное мѣсто въ его біографіи. См. прим. 226.

Ивановича, который, посовѣтовавшись съ митрополитомъ Феогностомъ, удовлетворяетъ просьбу Ольгерда. И не только ближайший и сильнейший литовскій князь, но и болѣе отдаленный князь Волынѣ, Любартъ Гедиминовичъ, въ томъ же 1350 году обращается также къ князю московскому: онъ просить руки «сестричны» его, дочери Константина Васильевича ростовскаго²²⁰⁾.

Въ 1351 году Семенъ Ивановичъ вмѣстѣ съ братьями, Иваномъ и Андреемъ, предпринялъ походъ на Смоленскъ. Причинъ этого похода лѣтописи не выставляютъ. Когда великий князь былъ на р. Протвѣ около Вышегорода, къ нему явились литовскіе послы «съ многими дары, прося мира», можетъ быть, подтвержденія, подкрепленія или формального мирнаго договора по поводу освобожденія Коріада и др. литовскихъ пословъ. Отпустивъ литовскихъ пословъ съ миромъ, Семенъ Ивановичъ продолжалъ движение на Смоленскъ и подошелъ къ р. Угрѣ. Сюда явились къ нему смоленскіе послы и заключили съ нимъ миръ. Великий князь пошелъ обратно, въ Москву²²¹⁾.

Весной того же 1351 года вмѣстѣ съ тѣми же братьями, Иваномъ и Андреемъ, Семенъ Ивановичъ ходилъ въ орду. Года черезъ два послѣ этой поѣздки для великаго князя наступила несчастная година: въ 1353 году 11 марта умеръ митрополитъ Феогностъ; на одной съ нимъ недѣльѣ умерли его дѣти-младенцы: Иванъ, родившійся въ 1351 г., и Семенъ, родившійся въ 1352 г. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ того же (1353) года, именно апрѣля 27, умеръ и самъ Семенъ Ивановичъ съ монашескимъ именемъ Созонта, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ и братъ его, Андрей. Лѣтописи наши говорятъ о томъ, что еще въ 1352 г. на Руси начало свирѣпствовать моровое повѣтряе, известное тогда подъ именемъ *черной смерти*. На Русь она перешла, вѣроятно, изъ западной Европы, гдѣ этотъ бичъ человѣчества свирѣпствовалъ уже съ 1350 года. По всей вѣроятности, отъ этой заразы

220) Ibid. IV, 59; V, 226; VII, 215; Ник. III, 187 и сл. Объ отношеніяхъ къ в. кн. Семену Ивановичу прочихъ князей Татищ. (IV, 175) говоритъ: «князи же вси рязанскіе, тверскіе и ростовскіе толики подружны себѣ имѣ, яко вся по его глаголу творяху». — Константинъ Васильевичъ ростовскій былъ женатъ на одной изъ сестеръ Семена Ивановича. Въ Никон. лѣт. (III, 192) этотъ Константинъ, по ошибкѣ, смѣшанъ съ дѣломъ его, Константиномъ Борисовичемъ († 1307). То же у Татищ. (IV, 169).

221) Ник. III, 195; П. С. Р. Л. IV, 60; V, 227; VII, 216. П. Никитинъ («Исторія гор. Смоленска». М. 1848, стр. 79) положительно говоритъ, что Ольгердъ хотѣлъ примирить в. князя Семена Ивановича съ кн. смоленскимъ, почему и прислалъ къ нему пословъ съ дарами, прося мира, и это предложеніе было принято княземъ московскимъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ему было продолжать наступленіе на Смоленскъ? Ср. «Ист. Р.» С. М. Соловьевъ III, пр. 432.

умерли и митрополитъ, и великий князь съ другими членами великокняжеской семьи²²²⁾.

Семенъ Ивановичъ, какъ и отецъ его, оставилъ духовное завѣщаніе, по которому удѣль его, все движимое и недвижимое имущество, примыслы и купли, какъ, напр., села, купленныя у князей друцкаго и новосильскаго, переходять къ женѣ его, по смерти которой все это, конечно, достанется великому князю Ивану Ивановичу, материальная сила котораго увеличится, следовательно, вдвое. Въ этомъ завѣщаніи обращаетъ на себя вниманіе совѣтъ великаго князя, какъ братья его должны жить между собою и съ боярами, отношеніе которыхъ къ князьямъ и роль ихъ при нихъ выражаются здѣсь довольно ясно. «А по отца нашего благословеню, что намъ приказалъ жити за одинъ, тако же и язъ вамъ приказываю своей браты жити за одинъ; а лихихъ бы есте людій не слушали, и хто иметь васъ сваживати: слушали бы есте отца нашего владыки Олексія, тако же старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ».

Семенъ Ивановичъ былъ женатъ три раза: а) на княжнѣ литовской, Анастасії Гедиминовнѣ (до крещенія—Айгуста) съ 1333 года, когда Семену Ивановичу было 17 лѣтъ (она † 11 марта 1345 г.); б) на Евпраксії Федоровнѣ, княжнѣ смоленской, съ 1345 г., съ которой въ слѣдующемъ 1346 году развелся, отославъ ее къ отцу ея, Федору Святославичу; в) на княжнѣ Марії Александровнѣ, дочери Александра Михаиловича тверскаго, съ 1347 г. Отъ первого брака онъ имѣлъ дѣтей: Василія, Константина и дочь Василису, вступившую, въ 1349 г., въ бракъ съ Михаиломъ Васильевичемъ кашинскимъ; отъ третьяго брака у него были дѣти: Михаилъ, Иванъ, Семенъ и Даніилъ, умершіе въ младенчествѣ²²³⁾.

222) П. С. Р. Л. I, 230; IV, 61; V, 228; VII, 215, 217; XV, 422; Ник. III, 202. О черной смерти въ западной Европѣ см. Даниловича: «Skarbiec diplomatów papiezkich» и пр., стр. 192.

223) С. г. г. и д. I, № 24.— Татиш. (IV, 170) говоритъ, что Семенъ Ивановичъ выдалъ дочь свою въ Тверь за кн. Василія Михаиловича, т. е. за отца дѣйствительного ея мужа. Но мы знаемъ, что Василій Михаиловичъ еще въ 1329 г. женился на княжнѣ бранской, и ниоткуда не видимъ, чтобы онъ вступалъ во второй бракъ.